
УДК 82.0(470)

ББК (2=Рус)6

Г 37

Герасимова И.Ф.

Кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова; e-mail: o.voronova@rsu.edu.ru

**Преемственность ратных традиций в военной лирике XX века
(жанр стихотворной молитвы)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются лирические произведения периодов Первой мировой войны, Великой Отечественной войны и локальных военных конфликтов XX века, написанные в жанре стихотворной молитвы. Показано существование между ними глубоких преемственных связей. Отмечается сходное мироощущение поэтов. Установлено, что оно выражается в жанровых параллелях, мотивах и образах.

Ключевые слова:

Первая мировая война, военная лирика XX века, молитвенная традиция, православное мироощущение.

Gerasimova I.F.

Candidate of Philology, Doctoral Candidate of Russian and Foreign Literature Department, Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov; e-mail: gif221255@yandex.ru

**Continuity of military traditions in war lyrics of the 20th century
(a genre of a poetic prayer)**

Abstract:

This paper discusses lyrical works of the periods of the First World War, the Great Patriotic War and the local military conflicts of the 20th century written in a genre of a poetic prayer. A profound continuity is shown to exist between them. Similar world perception in poets is noted, which is expressed in genre parallels, motives and images.

Keywords:

The First World War, war lyrics of the 20th century, prayerful tradition, orthodox world perception.

Замечено, что русское духовное поэтическое творчество характерно для отечественной поэзии на всех этапах ее развития, начиная с «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого [1: 21]. Периоды мировых войн и локальных военных конфликтов XX века не исключение из общего правила. В творчестве как известных (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, М. Кузмин, С. Есенин, А. Ахматова, К. Симонов и др.), так и забытых либо малоизвестных поэтов находим различные жанровые модификации стихотворной молитвы. В данной статье обратим внимание на те, в которых молитвенная традиция проявляет себя в двух основных вариантах: молитва как жанр и молитва как сюжет произведения.

В контексте данного исследования представляют интерес два стихотворения С. Городецкого, включенные в состав поэтической книги «Четырнадцатый год»: «Сретенье царя» [2: 15-16] и «У Казанской» [2: 27-28]. Первое из них датировано 20 июля 1914 года и с документальной точностью, подобно кадрам кинохроники, повествует о событиях, сопутствовавших принятию царского манифеста о вынужденном объявлении войны Германии: о молитве, отслуженной после подписания Николаем II манифеста [3: 73], о появлении венценосных особ перед народом [3: 77], о реакции горожан на происходящие события: «Из церкви доносилось пенье. / Перед началом битв, как встарь, / Свершив великое моление, / К народу тихо вышел Царь...» [2: 15]. И хотя рассказ о молитве здесь – лишь один из эпизодов (главным для поэта является «сретенье» царя с народом, вынесенное в заглавие), но, по нашему мнению, он является важным композиционным элементом стихотворения, поскольку связывает воедино мысль о прошлых победах русского оружия с предполагаемыми в будущем. Современники событий знали, что торжественное молебствие совершилось перед образом Спаса Нерукотвор-

ного, принадлежавшего Петру Первому, и «Казанской заступницей» – «чудотворной иконой Казанской божьей Матери из Казанского собора» [3: 74].

Соборная молитва русских женщин о даровании побед русскому войску в начавшейся войне перед той же иконой воссоздана С. Городецким в стихотворении «У Казанской»: «Дай же, Дева, дай, Пречистая, / Нашей силе торжество!» [2: 8]. Стихотворение соткано из различных молитвенных текстов, в их числе – тропарь, глас 4 [4: 108], молитва образу Казанской Божьей Матери [4: 108], Акафист пресвятой Богородице, в честь иконы ее Казанской, Кондак 1 [5]. Тем самым автор сопрягает в своем произведении образ Богородицы с вышеупомянутой иконы, считающейся покровительницей русского войска, с образом молящихся русских женщин в едином сакральном пространстве. Недаром стихотворение написано в форме их диалога, в котором «ответ» Богородицы передан поэтом посредством экфрасиса: «У Казанской Божьей Матери / Дивно светел вечный взгляд» [2: 28]. Вольное поэтическое переложение Богородичных молитв отличается от акафистных первоисточников: в молитвах Пречистая – просительница за людей, в стихотворении же ей отведена роль спасительницы Отечества.

Анализ военной лирики других исторических периодов XX века показывает глубинную преемственность (явную или скрытую) русского молитвословного стиха. Так, рассказ о соборной молитве включен в структуру лирического сюжета одного из самых известных стихотворений русского советского поэта К.М. Симонова – «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» (1941) [6: 22]. Доверительный тон произведения, естественный для жанра стихотворного послания, позволяет автору и в атеистическую эпоху повествовать о непреходящих духовных ценностях своего народа. Соборная молитва живых («усталые женщины... / ...вслед нам шеп-

тали: Господь вас спаси!..» [6: 22]) и мертвых («Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих» [6: 22]) является в этом произведении проявлением ментальных основ русского национального характера, явленного в образе защитника родной земли, одним из ярчайших выражений русского православного сознания лирического героя – воина и патриота.

Примечательно, что и в начале XXI века эта традиция продолжает жить. Идея единения живых и мертвых подчеркнута, например, в стихотворении полковника запаса Сергея Порохина «Лавра Киево-Печерская» [7: 84], написанного в первое десятилетие XXI века. Повествуя о многовековом молитвенном подвиге лаврских затворников, автор пишет: «Они блюли Святое Слово, / Молили Господа Христа, / Чтоб Русь, как Феникс Ясный, снова / Воскресла, Верую чиста!» [7: 84]. Автор, как и его литературные предшественники – поэты периодов Первой мировой и Великой Отечественной войн, – прославляет в своем стихотворении единство живых и мертвых, создавая образ России, объединенной духовной силой предков и потомков.

Те же интонации присущи и стихотворению современного поэта, прозаика, публициста Юрия Лошица «Сорок дней» [8: 81]. Оно написано в жанре наставления и обращено к новобранцу, прибывшему в часть и увидевшему в казарме кровать с траурной лентой в память о том, «кто навек прикрыл собой» своих товарищей. Общая память спланивает молодых солдат независимо от национальности: «И сорок дней уральские Сереги, / И смуглые ребята из Хивы / Улыбку оставляют на пороге / И здесь не поднимают головы... / И сорок дней мы молимся, не зная / Ни строчки из отеческих молитв» [8: 81]. Однако неумение молиться юного солдата, с точки зрения автора, не означает в этом стихотворении отсутствие Бога в душе героев.

В локальных войнах конца XX – начала XXI веков десантники были той

основной ударной силой, которая приняла на себя первый удар, поэтому они главные герои поэзии локальных военных конфликтов этого времени. Так, рассказ о молитве десантника, лишившегося в бою правой руки, в стихотворении Николая Зиновьева «Ты просишь у Бога покоя...» [9: 240] не может не вызвать у читателя чувства преклонения перед мужеством человека, с честью выполнившего свой воинский долг: «И с ангельским ликом серьезным, / Неправый свой крест сотворя, / Вздыхаешь. Под городом Грозным / Осталась десница твоя. / Осталась она не в граните, / Не в бронзе, а просто сгнила... / Стоишь, и твой ангел-хранитель / Стоит за спиной. Без крыла» [9: 240].

Поэту удалось также передать психологическое состояние солдата-мученика, душа которого смиренна: в ней нет места гневу и гордости (недаром автор использует эпитет «ангельский» при описании портрета героя). Значим в этом стихотворении и образ бескрылого ангела, разделившего участь воина в его праведной битве. Здесь Н. Зиновьев находится в русле поэтической традиции, свойственной батальной лирике XX века. В ней неоднократно повторяется мотив покровительства «войсками небесной обороны» и самого Христа русскому солдату (как, например, в стихотворениях М. Кузмина «О, Феодор Стратилате...» [10: 6], С. Городецкого «Подвиг войны» [2: 13-14], В. Верстакова «Войска небесной обороны» [9: 65-66] и др.).

Более же всего стихотворение Н. Зиновьева созвучно произведению Ю. Беличенко «По выходным, когда его просили..» [9: 39-40]: «...Хоть старым был, и за день уставал, / Колхозный кучер Ващенко Василий / Военные иконы рисовал... / По имени погибшего солдата / Он брал сюжет. И посреди листа / Изображал Николу с автоматом / И рядом с ним – с гранатой – Христа. / Мы шли к нему. Нам странно это было. / Но вот стоишь – и глаз не отвести, / Увидев меч в деснице Гав-

риила / И орден Славы на его груди...» [9: 39 -40].

Преимущественно связывает различные периоды военной лирики XX века образ солдатской матери, тема материнской молитвы. Примером такой модификации молитвенной традиции является стихотворение С. Есенина «Молитва матери» (1914) [11: 71]. Молодой поэт описывает видения старушки-матери, молящейся перед иконой за ушедшего на войну сына. Ее «грезы» безрадостны: она представляет свое родное дитя по погибшим героям: «На груди широкой запеклася рана, / Сжали руки знамя вражеского стана» [11: 71]. Далее автор рисует обобщенный образ русской матери-патриотки, в то же время придавая ему индивидуально-психологические черты: «И от счастья с горем вся она застыла, / Голову седую на руки склонила. / И закрыли брови редкие сединки, / А из глаз, как бисер, сыплются слезинки» [11: 71]. В этой связи значим в стихотворении архетип *дома*, который является характерным для русской литературной традиции [12; 13]. В финале стихотворения наблюдается сакрализация образа матери путем сближения его с образом Богородицы. Полагаем, что здесь молодой поэт находится в ментальном поле хорошо известного ему русского духовного стиха «Плач Богородицы», в котором чувства Богородицы созвучны чувствам земных матерей, также потерявших сыновей, принесших себя в жертву во имя спасения других людей. Архитектоника процитированного выше стихотворения С. Есенина сродни особой иконографической композиции – русской иконе с клеймами: в центре здесь расположена скорбящая фигура русской матери, которую обрамляют эпизоды подвига ее сына и ее видения о нем. Центральный мотив стихотворения – мотив жертвенности и воскресения – подчеркивается упоминанием в последнем стихе бисера, что усиливает идею сакрализации образа матери: известно, что бисер – на церковном языке

означает жемчуг [14: 77], а жемчуг есть прямое указание на Царствие небесное, в которое попадают отдавшие жизнь за Отчизну. Не случайно, «согласно Апокалипсису (Откровение Иоанна Богослова), ворота “небесного Иерусалима” состоят из жемчужин» [15: 340]. Благодаря этому в стихотворении возникает еще один образ – Небесного Града, населенного праведниками. С ним связан жизнеутверждающий пафос стихотворения поэта.

Героиней стихотворения современного поэта В. Рубина «Молитва» [16] также является мать солдата. Произведение написано как ее монолог, обращенный к сыну, воюющему в чужой стране. Из этого монолога явствует, что женщина была в церкви и «всю ночь» молила Заступницу, «чтоб она парашют не забыла, раскрыла, / Чтоб она отличила» сына «и нашла бы...» [16]. Эти строки являются поэтической интерпретацией евангельских строк, выражающих отчаянную и последнюю надежду женщины на милосердие Божие по отношению к ее чаду: «...одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь» (1 Тим. 5:5). В финале стихотворения личная молитва русской матери перерастает в молитву соборную: «А когда я к иконе губами пристала, / То соборное пение крепло и крепло, / Шла молитва за воинов Афганистана, / За десантников, / Брошенных в самое пекло» [16]. Здесь ясно прослеживается ассоциация: материнская молитва подхвачена матерью-Родиной.

Однако следует констатировать, что в лирических произведениях периода афганской войны жанр стихотворной молитвы представлен немногочисленными произведениями. Это связано, по мнению современного исследователя, с тем, что «слово «Бог» олицетворяло для наших воинов судьбу. Оно, как обращение «афганцев» к приметам и рассказы о предчувствиях, выражало воинский мистицизм» [17: 145].

В то же время нельзя отрицать на-

личие в стихах воинов-афганцев периода ведения боевых действий молитвенных мотивов, которые нередко тесно связаны с мотивом возвращения к Богу некогда отпавших от Него. В таких произведениях молитва Всевышнему чаще всего гипотетична: «Помолился, был бы крещен!» (М. Михайлов. Дорожный знак [18]); «Если вернусь... / То помолюсь обязательно Богу» (М. Кошкош. Если вернусь [19]).

Тем не менее, в названных стихотворениях проявляется осознание святости офицерской чести для русского человека. «Там, где есть офицеры, / Бог и Родина есть» [20], – пишет воевавший в Афганистане Виктор Верстаков, а десантник-афганец Андрей Климяк на суперобложке своего нового альбома «От Афгана до Чечни» помещает слова: «С нами Бог, Россия и наше Братство» [21].

В стихотворении В. Верстакова «Помолись за Россию» [9: 48-49] гипотетическая молитва становится основой сюжета. Лирический герой – боевой офицер, – ощущающий тесную связь с предками-воинами, объединенными общей, зачастую трагической судьбой («Цифры “14-й” и “41-й” / Перевернула эпоха с плеча...» [9: 53]), просит своего товарища сохранить в душе «Господний свет»: «Помолись за Россию... / Помолись за победу... / Помолись за солдата... / Помолись за Россию, / За всевечную ее правоту, / Лишь бы мы огней не гасили, / И звезде служба, и Кресту» [9: 48-49]. Образы звезды и креста в данном стихотворении, по нашему мнению, символизируют преемственную связь эпох в представлениях о чести русского офицера.

Тема преемственности ратных традиций характерна и для стихотворения А. Климяка «Помяните меня» [22]. Оно представляет собой монолог погибшего в Афганистане солдата и является подражанием известному стихотворению А. Твардовского «Я убит подо Ржевом...» (1945 – 1946) [23: 11-15]: «Я убит под чужою горой, / В Чарикаре, столице Парва-

на, / И досрочно вернулся домой / На истрепанных крыльях «тюльпана»...» [26].

Связывает эти произведения и мотив памяти. Лирический герой стихотворения периода Великой Отечественной войны завещает потомкам жизнь («Я вам жить завещаю, – / Что я больше могу?» [23: 15]) и просит не забывать принесенных жертв «в память воина-брата, / Что погиб за нее» [23: 15]. Герой стихотворения современного автора – атеист, солдат-новобранец, так и не успевший выстрелить на своей войне, – приходит к Богу после смерти: «Я молить и сейчас не шепчу, / Я не жаловал Божью обитель. / Все равно вы поставьте свечу / И не верившего помяните» [22]. Его просьба о поминальной молитве тоже – во имя мирного будущего и духовного просветления живых: «Помяните во имя других, / Помяните, слезу уроните, / Чтобы больше никто не погиб, / Помяните меня, помяните!» [22]. Это стихотворение – завещание, написанное от первого лица, однако ясно, что за ним – собирательный образ русского солдата.

Верой в спасительную силу молитвы проникнуто и стихотворение В. Верстакова, которое так и называется – «Молитва» [24: 18]: «От голода и мора, / От хлада и огня, / От внутреннего спора, / От суетного дня, / От горести и гнева, / От счастья впопыхах, / От сладострастной девы, / От гордости в стихах, / От ломкого булата, / От ржавого щита, / От серебра и злата, / От римского креста, / От власти нечестивых, / От примиренья с ней, / От засухи на нивах, / От бурь среди морей, / От почвенных трясений, / От молнии-грозы, / От яростных сомнений, / От утренней слезы, / От размышлений в битве, / От жалкой веры в плоть – / По грешной сей молитве / Спаси меня, Господь!» [24: 18].

Православная традиция «молиться кротко за врагов» (Н. Бехтеев) особенно близка Н. Зиновьеву – автору одного из самых сильных поэтических откликов на чеченские события: «Молюсь о раненом сол-

дате, / О горце, ранившем его...» [9: 238]. В молитве видит автор мощнейшее оружие против зла, вражды, разъединения.

Итак, в русской поэзии мировых войн и локальных военных конфликтов XX века ярко и многопланово представлено авторское молитвотворчество на основе канонических молитв. В сознании поэтов личная и соборная молитва предстает как духовное оружие в битве за души современников, живущих не в мирное время. При этом человек военной профессии предстает «прежде всего духовной силой» [25: 16]. Именно поэтому мифопоэтическая картина мира пронизана антиномиями: мир – война, Бог – человек.

Особенно значим в стихах образ автора – как правило, реального участника военных событий. Произведения свидетельствуют о напряженной духовной рабо-

те их создателей – как профессиональных, так и самодеятельных поэтов. Лирический герой выступает в стихах не только как летописец современных ему событий, но и как творец судьбы – своей собственной и мира. Православное и патриотическое чувство, соединяясь воедино, образуют сложный, но животворный синтез.

В произведениях поэтов XX века, написанных в жанре стихотворной молитвы, предпринята попытка восстановления гармонии мира, что, по признанию отцов церкви, присуще православному мироощущению: «Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда не истощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти» (Иоанн Златоуст) [26: 542-543].

Примечания:

1. Дарский Д.С. Радость земли. Исследование лирики Фета. М.: Тип. К.Ф. Некрасова, 1916. 208 с.
2. Городецкий С.М. Четырнадцатый год. Пг.: Лукоморье, 1915. 60 [4] с.
3. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
4. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы / авт.-сост. С. Алексеев. СПб.: Библиополис, 2012. 304 с.
5. Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ее Казанской. Кондак 1 // Библиотека православной литературы. URL: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/akafist/kazansk.htm>.
6. Симонов К.М. С тобой и без тебя (Лирический дневник) // Новый мир. 1941. № 11-12. С. 18-24.
7. Порохин С. Русь // Воин России. 2007. № 10. С. 84-85.
8. Лошиц Ю. Сорок дней // Роман-журнал XXI век. 2003. № 2. С. 81.
9. Военный романс. Песни русского воинства. М.: Яуза, 2006. 256 с.
10. Кузмин М. «О, Феодор Стратилате...» // Военные стихи современных русских поэтов. Анна Ахматова и др. 2-е изд. Пг.: Тип. Ф.В. Иртберг, 1917. 16 с.
11. Есенин С.А. Молитва матери // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / сост., подгот. текста и коммент. С.П. Кошечкина, Н.Г. Юсова. М.: Наука: Голос, 1996. 544 с.
12. Педченко В.А. Категория дома в художественной концепции личности русской прозы XX-XXI веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 44-46.
13. Никольский Е.В. Семантическая роль мотива отчего дома в романах-семейных хрониках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология

-
- и искусствоведение. 2012. № 1. С. 53-56.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Сочинение В.И. Даля: в 4 т. Ч. I. А-З. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при императорском Московском Университете, 1863. 627 с.
 15. Зигуненко С.Н. Знаки и символы. М.: АСТ: Астрель, 2004. 464 с.
 16. . Рубин В. Молитва // Автомат и гитара. URL: <http://avtomat2000.com/soldat.html>.
 17. Огрызко В.В. Песни афганского похода: историко-литературное исследование. М.: Литературная Россия, 2000. 208 с.
 18. Михайлов М. Дорожный знак // Sunsong. URL: <http://sunsongs.ru/music/13011/mihaylov-mihail/track/162328/dorobjnyiy-znak>.
 19. Кошкош М. Если вернусь // Кошкош М. Афганские четки. URL: http://okopka.ru/k/koshkosh_mihail_wladimirowich/text_0030.shtml.
 20. Верстаков В.Г. Там, где есть офицеры // Верстаков В.Г. Ради твоей неизвестной любви: стихи, прозаич. поэма. М.: Воениздат, 1993 158 с. URL: <http://viktorverstakov.narod.ru/radi-tvoey-text.html>.
 21. Новости // Официальный сайт Андрея Климнюка. URL: http://www.klimniuk.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=4&Itemid=6.
 22. Климнюк А. Помяните меня // От Афганистана до Дагестана. URL: <http://avtomat2000.com/dag.html>.
 23. Твардовский А.Т. «Я убит подо Ржевом...» // Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Стихотворения (1946-1970). Поэмы. За далью – даль. Тёркин на том свете / примеч. А. Туркова, Р. Романовой. М.: Худож. лит., 1978. 432 с.
 24. Верстаков В. Молитва // Верстаков В.Г. Русские времена: стихи и песни. М.: Благотворительная общественная организация «Мужество и гуманизм»: ЮНИПРЕСС, 1999. 33 с.
 25. Hellman В. (Хеллман Б.) Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Hellman В. (Хеллман Б.) Встречи и столкновения: статьи по русской литературе. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature / editors Arto Mustajoki, Pekka Pesonen, Jouko Lindstedt. Slavica Helsingiensia 36. Helsinki: Helsinki University Press, 2009. 300 p.
 26. Иоанн Златоуст. Творения Святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12 т. Т. 1: в 2 кн. Кн. 2. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1896. 899 с.

References:

1. Darsky D.S. The joy of the earth. The research of Fet's lyrics. М.: K.F. Nekrasov's printing house, 1916. 208 pp.
2. Gorodetsky S.M. The fourteenth year. Pg.: Lukomorye, 1915. 60 [4] pp.
3. Kolonitsky В. «A tragic erotica»: images of the imperial family in days of the First World War. М.: New lit. review, 2010. 664 pp.
4. The miracle-working icons of the Blessed Virgin / comp. by S. Alekseev. SPb.: Bibliopolis, 2012. 304 pp.
5. The acathistus to the Blessed Virgin in honor of her Kazan icon. Kontakion 1 // The library of orthodox literature. URL: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/akafist/kazansk.htm>.
6. Simonov K.M. With you and without you (A lyrical diary) // The Novy mir. 1941. No. 11-12. P. 18-24.

-
7. Porokhin S. Russia // The soldier of Russia. 2007. No. 10. P. 84-85.
 8. Loshits Yu. Forty days // A novel-magazine XXI century. 2003. No. 2. P.81.
 9. A war love song. The songs of the Russian army. M.: Yauza, 2006. 256 pp.
 10. Kuzmin M. «Oh, Feodor Stratilate ...» // Military verses of the contemporary Russian poets. Anna Akhmatova, etc. 2nd ed. Pg.: F.V. Irtberg's printing house, 1917. 16 pp.
 11. Yesenin S.A. Mother's prayer // Yesenin S.A. Complete works: in 7 v. V. 4. The poems not included into «The collection of poems» / comp., prep. of the text and comment. by S.P. Koshechkin, N.G. Yusov. M.: Nauka: Golos, 1996. 544 pp.
 12. Pedchenko V.A. Category of the house in the artistic conception of personality of the Russian prose of the XX-XXI centuries // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2011. No. 3. P. 44-46.
 13. Nikolsky E.V. A semantic role of the native home motive in novels-family chronicles // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2012. No. 1. P. 53-56.
 14. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. V.I. Dahl's work: in 4 v. Part I. A-Z. M.: The edition of Society of the Russian literature fans, founded at imperial Moscow University, 1863. 627 pp.
 15. Zigunenko S.N. Signs and symbols. M.: AST: Astrel, 2004. 464 pp.
 16. Rubin V. A prayer // A machine gun and a guitar. URL: <http://avtomat2000.com/soldat.html>.
 17. Ogryzko V.V. The songs of the Afghan campaign: historical and literary research. M.: Literaturnaya Rossiya, 2000. 208 pp.
 18. Mikhaylov M. A road sign // Sunsong. URL: <http://sunsongs.ru/music/13011/mihaylov-mihail/track/162328/dorojnyiy-znak>.
 19. Koshkosh M. If I return // Koshkosh M. The Afghan beads. URL: http://okopka.ru/k/koshkosh_mihail_wladimirowich/text_0030.shtml.
 20. Verstakov V.G. There, where the officers are // V.G. Verstakov. For the sake of your unknown love: verses, a prose poem. M.: Voenizdat, 1993. 158 pp. of URL: <http://viktorverstakov.narod.ru/radi-tvoey-text.html>.
 21. News // Andrey Klimnyuk's Official site. URL: http://www.klimniuk.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=4&Itemid=6.
 22. Klimnyuk A. Remember me // From Afghanistan to Dagestan. URL: <http://avtomat2000.com/dag.html>.
 23. Tvardovsky A.T. «I am killed near Rzhev ...» // Tvardovsky A.T. Collected works: in 6 v. V. 3. Poems (1946-1970). Poems. Behind the distance there is another distance. Tyorkin in the next world / notes by A. Turkov, R. Romanova. M.: Khudozh. lit., 1978. 432 pp.
 24. Verstakov V.G. A prayer // Verstakov V.G. The Russian times: verses and songs. M.: Charitable public organization «Courage and humanism»: UNIPRESS, 1999. 33 pp.
 25. Hellman B. When the time was a Slavophile. Russian philosophers and the First World War // Hellman B. Meetings and Clashes: articles on Russian Literature / ed. by Arto Mustajoki, Pekka Pesonen, Jouko Lindstedt. Slavica Helsingiensia 36. Helsinki: Helsinki University Press, 2009. 300 pp.
 26. Ioann Zlatoust. Creations of Holy Father of ours, Ioann Zlatoust, the archbishop of Constantinople, in Russian translation: in 12 v. V. 1: in 2 books. Book 2. 2nd ed. SPb.: St. Petersburg Theological Academy, 1896. 899 pp.